

Вернувшись в комнату, они первым делом открыли ноутбук. Нужно было досконально изучить историю Зала Льва и Тигра.

Раньше эта труппа была для них лишь чужим, далеким коллективом, но теперь, когда за этим названием проступила фигура Хромого Чжана, всё изменилось. Игнорировать прошлое они больше не могли.

Основателем Зала Льва и Тигра был Вэй Ибэнь, учитель их наставника. У самого Вэй Ибэня тоже имелся учитель; следуя традиции преемственности, при создании труппы он ввел систему рангов для учеников: «Жэнь», «И», «Ли», «Чжи», «Синь» — Человечность, Справедливость, Ритуал, Мудрость и Верность.

Вэй Ибэнь начинал как нищий уличный артист. Женившись на девице из обедневшего, но когда-то влиятельного рода, он внезапно стал владельцем чайной и просторного жилого дома с четырьмя флигелями. Но богатство не заставило его бросить ремесло.

Чайная стала идеальной сценой для сяншэна.

День за днем он оттачивал там свое мастерство. Постепенно его выступления стали настолько популярными, что заведение забивалось до отказа. Те, кому не хватало места внутри, толпились на улице, ловя каждое слово мастера через открытые окна. На волне этого успеха Вэй Ибэнь начал набирать учеников, и со временем маленькая группа превратилась в знаменитый «Зал Льва и Тигра».

Когда Вэй Ибэню перевалило за шестьдесят и он тяжело заболел, руководство «Залом Льва и Тигра» перешло к Юй Либо — старшему ученику, которому на тот момент было около тридцати. Он же был старшим соучеником Хромого Чжана.

Юй Либо стал настоящей легендой сяншэна в прошлом веке. И хотя этот человек когда-то подло оболгал их мастера, нельзя было отрицать: он обладал талантом, хваткой и стальной волей.

Приняв бразды правления, Юй Либо сумел не просто сохранить наследие, но и превратить Зал Льва и Тигра в самый влиятельный коллектив традиционного жанра во всем Китае.

Сегодня делами заправлял уже его сын, Юй Чжимин. Он окончательно превратил труппу и всю сопутствующую недвижимую вотчину, передаваемую по наследству. Род Юй прочно удерживал власть в своих руках.

Юй Чжимин и сам считался столпом современного сяншэна. Он унаследовал от отца острый ум и мастерство слова, создав немало произведений, ставших классикой: «Тигр спускается с гор», «Золотой союз». Его сатирические зарисовки о жизни общества вроде «Моих продовольственных карточек» или «Здравствуй, товарищ» пользовались огромным успехом. Именно благодаря его усилиям Зал Льва и Тигра достиг нынешних высот.

Впрочем, на этом династия, похоже, обрывалась. Сын Юй Чжимина наотрез отказывался иметь дело с театром.

Сейчас главной надеждой и опорой Чжимина в труппе был его второй ученик — Ту Синьда. Однако, какими бы талантливыми ни были ученики, владение чайной и старинным домом всё равно оставалось привилегией семьи Юй.

Бегло ознакомившись с историей, Цинь Юэцзин не выдержал:

— Какая наглость! Всё заграбастали, сыночку оставили... А ведь чайная-то изначально принадлежала семье Вэй!

Цзян Чэньян лишь усмехнулся:

— А кто бы не захотел оставить добро своим детям? Будь у Вэй Ибэня наследники, никакому Юй Либо ничего бы не досталось. Всё ушло бы родной крови.

Но Цинь Юэцзин никак не мог успокоиться.

— И всё же... Зачем Юй Либо так поступил с нашим учителем? Оболгать человека, лишить его всего — это же почти то же самое, что убить!

Их наставник был удивительным человеком, добрым и светлым. Юэцзин почувствовал это при первой же встрече, а в процессе учебы разглядел в Хромом Чжане ту самую искреннюю, чистую любовь к народному искусству. И то, что такого человека так жестоко предали, казалось ему вопиющей несправедливостью.

Предатель купался в лучах славы и почете, а честный мастер десятилетиями влачил жалкое существование.

— Ты должен понимать, какое тогда было время, — вздохнул Цзян Чэньян. — Деньги ценились превыше всего. Труппа была просто кучкой артистов, но за ней стояли огромные активы. Ради такого наследства люди и не на такое шли.

Юэцзин молча кивнул. Алчность — старый порок, но от этого ему не стало меньше жаль учителя.

Закончив обсуждение, они выключили свет и устроились на кане. Юэцзин долго лежал с открытыми глазами, глядя в темноту. Он знал, что брат тоже не спит.

— Послушай... — негромко начал он. — А что, если бы нашего старика не подставили? Если бы он действительно унаследовал Зал Льва и Тигра? Как думаешь, где бы мы сейчас были?

Чэньян на мгновение задумался, и он в темноте улыбнулся.

— Кто знает. Может, я бы так и бродяжничал. А ты? Наверное, спал бы под каким-нибудь мостом. Я же помню, ты тогда даже одеяло с собой притащил.

Юэцзин невольно рассмеялся, вспомнив, каким нелепым деревенщиной он приехал в Имперскую столицу.

— Ну, почти. Я тогда старался предусмотреть всё. Думал: если в «Зал Счастья и Праздника» не возьмут, перекантуюсь где-нибудь в подворотне, а потом найду работу. Но в одном я был уверен — хочу учиться сяньшэну. Мне чертовски повезло, что я встретил тебя. И мастера.

— На самом деле, мне тоже повезло, — тихо отозвался Чэньян. — Если бы не та твоя булка, я бы точно с голоду загнулся.

Оба негромко рассмеялись. Первое знакомство теперь казалось им забавным эпизодом из другой жизни.

— Ладно, не бери в голову, — примирительно сказал Чэньян. — Главное теперь — заботиться об учителе. Сделаем всё, чтобы на старости лет он был по-настоящему счастлив. А остальное... остальное уже неважно.

— Ты прав. Спим. Завтра нужно встать пораньше и приготовить старику что-нибудь особенное.

Цинь Юэцзин закрыл глаза.

Глядя на засыпающего брата, Цзян Чэньян в очередной раз поблагодарил судьбу. Прав был мастер: пути её неисповедимы, а встречи — неслучайны...

Вскоре и он провалился в глубокий, спокойный сон.

<http://bllate.org/book/17504/1659466>